
А.А. Кожанов
(Москва)

МЕТОДОЛОГИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ДЛЯ АНАЛИЗА ДИНАМИКИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В статье обсуждается вопрос выбора, сравнения и оценки релевантной методологии анализа динамики научного знания. В постпозитивистском метатеоретизировании в социологической теории внимание уделялось противопоставлению подходов Куна, Лакатоса и ряда социологических проектов (Маллинз, Блур, Фуко). Методология «теоретических исследовательских программ» Бергера, Зелдича и Вагнера обладает множеством преимуществ и дополнительных возможностей, инструментальная демонстрация которых осуществляется в статье на примерах из истории социологии науки. Вопросы оценки научных (социологических) теорий, их кластеризации, выделения социальных и рациональных причин их развития и доказательства прогресса теории находят свои ответы при изучении методологии «теоретических исследовательских программ».

Ключевые слова: теоретическая исследовательская программа, социология науки, парадигма, Дж. Бергер, М. Зелдич, Д. Вагнер, метатеория.

Развитие научного знания как предмета интереса социологии науки одновременно является повседневной реальностью конкретных социологических исследований, реализуемых в многообразии содержательных теорий, методологических стратегий, подходов, концептов и стилей. В то время как социология науки испытывает

Андрей Александрович Кожанов – старший преподаватель кафедры анализа социальных институтов департамента социологии НИУ ВШЭ, научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: akozhanov@hse.ru.

потребность в обновлении своих инструментов анализа динамики научного знания, конкретное социологическое исследование нуждается в понятной системе координат, позволяющей идентифицировать его принадлежность к «своему» направлению, указать на его (этого исследования) предшественников и конкурентов, оценить не только достоверность полученных результатов, но и эвристику применяемого подхода, сделать выводы о росте научного знания. Популярные в современной социологии системы координат с векторами «качественная» vs. «количественная» или «функционализм» vs. «интерпретативизм» не справляются с многообразием проявлений социологической теории и методологии, поскольку не отвечают критерию универсальности объяснения. Попытки найти более абстрактные, высокие термины в области парадигмальных сфер (реализм vs. номинализм или позитивизм vs. релятивизм) также не обладают достаточными эвристическими возможностями и необходимой степенью детализации для кодификации социологических теорий «среднего уровня» или причисления социологических исследований к определенной стратегии или направленности.

Для решения задачи описания и анализа структуры научного знания, экспликации его теоретических и методологических связей, оценки совокупности накопленного научного знания в конкретной области исследований следует обратиться к методологии теоретических исследовательских программ. Это позволит найти ответы на вопросы: происходит ли развитие предметного социологического знания и можно ли счесть это развитие ростом?

Методология анализа «теоретических исследовательских программ»: происхождение

До начала большого постпозитивистского диспута о роли рациональных и социальных (социально-психологических) факторов в развитии науки [1; 2; 3] социология уже имела свою традицию

изучения социальных аспектов роста научного знания. Не рассматривая здесь всю «наследственность» современной социологии науки, идущую от социологии знания К. Мангейма и М. Шеллера, а также от теоретического вклада Р. Мертона и его учеников, мы остановимся на нескольких современных подходах, характеризующих альтернативность и оригинальность социологического анализа науки по сравнению с философским «мэйнстримом» – Т.Куном и И.Лакатосом.

Одним из первых был социолог науки Николас Маллинз, который создал модель развития «теоретических групп» [4]. Он использовал организационный уровень анализа и метафору сетевого подхода для обнаружения действия социального фактора внутри динамики научных специальностей, направлений и отдельных групп. Маллинз писал: «Все группы, которые мы называем сплоченными, характеризуются наличием у них специфического исследовательского подхода, имеющего широкие теоретические последствия. Ключевым фактором, от которого зависит успех или неуспех в деятельности группы, вполне может быть то обстоятельство, работает ли группа только на эмпирическом уровне (то есть просто движется от проблемы к проблеме в контексте однажды установленной теоретической схемы) или же ее программа строится на новаторской основе» [5, с. 148]. Подход Н. Маллинза, до сих пор активно применяющийся в исследованиях организации науки и шире – сетевых структур знания в менеджменте и экономике, фактически редуцировал статус научного знания к эмпирическому индикатору сплоченности как фактору успеха. Социологичность этого подхода имела свое сознательное ограничение – вопрос о содержании научного знания не затрагивался. Таким образом, этот подход работает для объяснения социальных процессов, сознательно игнорируя роль «внутренней истории» И. Лакатоса [1], т.е. роль научных идей как автономной саморазвивающейся системы в подходе Маллинза не признается. В этой умеренной версии социологического редукционизма любая научная теория превращается

в группу людей, объединенных не столько приверженностью (это было бы ближе к объяснению Т. Куна) или даже социальным интересом (эта позиция найдет себя в «сильной программе Д. Блура» [6]), сколько вовлеченностью в процесс группообразования.

Критика этого подхода возникла с неожиданной стороны. Философы и методологи науки 1970–1980-х гг. были совершенно удовлетворены таким разделением труда, когда социология брала себе «внешнюю историю» социальных факторов, следуя принципу «арациональности» как разделению труда между философами (историками) и социологами науки¹. А вот некоторые социологи, напротив, расценили отказ Н. Маллинза от социологического анализа содержания деятельности ученых как уступку и слабость, ровно как ранее они остро критиковали за то же самое социологию науки Р. Мертона. Например, британский социолог науки Р. Уитли в 1974 г. критикует статью Н. Маллинза [7] и пишет: «Когнитивно-интеллектуальное развитие научных областей постулировалось как нечто безусловно данное» [8, с. 218]. Сам Уитли предлагал социологически изучать «когнитивные структуры» наравне с социальной организацией. Но он не развивал этот тезис далее, не переходил границу, установленную принципом «арациональности». Под «когнитивными структурами» он имел в виду два противоположных подхода – Т. Куна и И. Лакатоса. Уитли, говоря о «когнитивной институционализации» [10], становится заложником этого противостояния, корни которого глубоко уходят даже не в философию науки, а в саму теорию познания и онтологию. Спор между моделями Куна и Лакатоса имел для социологии науки парадигмальное значение, он определил раскол в этой дисциплине, как, впрочем, и в самой истории науки². Предложенные И. Лакатосом понятия «внутренняя» и «внешняя история» и его

¹ Подробнее о «принципе арациональности» Л. Лаудана см. [9].

² О роли этого спора для создания и различения «контекстов открытия» и «контекстов обоснования» подробнее см.: [9].

методология анализа научно-исследовательских программ (НИП) [1; 2] послужили отправной точкой для дальнейшего развития методологии социальных наук.

Взгляд социологов на развитие научно-исследовательских программ не обязательно должен быть социологическим. Точнее, он все равно окажется социологическим по типу решаемых задач, но вовсе не обязательно так гипертрофировать социальные факторы развития науки, чтобы усиливать свой социологизм до радикального. Примерно так звучала критика в адрес так называемой сильной программы социологии знания Д. Блура и Б. Барнса [6], набравшей в 1980-е гг. популярность, со стороны социологического большинства – структурно-функционалистского корпуса социологов. «Сильная программа» рассматривала знание как убеждение сообщества, следовательно, система научного знания оказывалась изоморфна любым другим системам верований и убеждений данного сообщества. Объективность была для Д. Блура социальным феноменом. В целом «сильная программа» Блура создавала каузальное макросоциологическое объяснение, связанное с реализацией социальных интересов людей посредством создания «правил» (например, математических) и механизмов их воспроизводства в обществе.

Примерно в это же время (1980-е гг.) возникла, но до сих пор не обрела повсеместную известность, оригинальная социологическая концепция – методология анализа «теоретических исследовательских программ» (ТИП).

Т. Парсонс в «Интеллектуальной автобиографии» упоминает М. Зелдича и Дж. Бергера как молодых ученых, пополнивших ряды Гарварда в послевоенное время. Позднее оба стали ведущими американскими социологами, ассоциирующимися со школой Парсонса, составили основу департамента социологии Стэнфордского университета. Зелдич, Бергер и Коэн создали так называемую стэнфордскую социологию [11, р. 53] – если не школу, то по крайней мере исследовательский стиль в социологии, который, с

одной стороны, был глубоко эмпиричным и экспериментальным, а с другой – много внимания уделял построению и оценке теории.

Работы Зелдича, Бергера и Коэна, написанные в соавторстве и поодиночке, в основном посвящены концептуализации понятий «социальная структура» и «социальные процессы», исследованиям социальных статусов, ожиданий, власти, легитимации. Фактически им приходилось постоянно иметь дело с теориями «среднего диапазона», как называл их Р. Мертон, однако их амбиции превосходили уровень «отраслевой» социологии. Обладая широчайшей эрудицией и склонностью к интеллектуальным наблюдениям за соседними исследовательскими областями – особенно за социальной психологией, они накопили столь огромный арсенал «теорий среднего уровня», что обнаружили уровень выше – уровень большей социологической теории. То ли под влиянием Т. Парсонса и его стиля теоретизирования, то ли под впечатлением от успехов в философии и методологии науки (К. Поппера и И. Лакатоса), интерес новых классиков «стэнфордской социологии» заключался не в изучении конкретных эмпирических вопросов, а в рефлексии статуса получаемого в результате такого изучения социологического знания. Оставаясь эмпириками в социологии, они были настолько заинтересованы и погружены в вопросы построения теории, что довольно незаметно перешли в область метатеоретизирования, которую тогда воссоздавали Дж. Ритцер и Дж. Александер.

Бергер и Зелдич, анализируя социологические теории «среднего диапазона», сталкивались с проблемой, которая всегда появляется в ситуации рассмотрения генезиса теорий, концепций и концептов: с кодификацией и объяснением развития научного взгляда на конкретную проблему. В связи с постепенно набравшей в 1970-е гг. обороты дискуссией о метатеории в социологии, вопрос эпистемологического статуса теорий «среднего диапазона» вызывал большие тревоги. В общем, еще Р. Мертон писал: «Каждая теория — это нечто большее, чем простое эмпирическое обобщение, то есть отдельное утверждение, суммирующее наблюдаемые

закономерности отношений между двумя или более переменными. Теория содержит множество предположений, из которых получены сами эмпирические обобщения» [12, с. 67]. Так что такие теории стали отправной точкой для выхода на уровень более значительных теоретических рассуждений. И тут дискуссия о постпозитивизме в философии науки оказалась востребована социологами, никогда не помышлявшими ранее о карьере эпистемологов или, тем более, социологов науки. Имея дело с множеством конкретных теорий, Бергер и Зелдич пришли к позиции Имре Лакатоса: «Если рассмотреть наиболее значительные последовательности, имевшие место в истории науки, то видно, что они характеризуются *непрерывностью*, связывающей их элементы в единое целое. Эта непрерывность есть не что иное, как развитие некоторой исследовательской программы, начало которой может быть положено самыми абстрактными утверждениями» [2, с. 79].

Молодой коллега Бергера и Зелдича и аспирант в Стэнфорде, Д. Вагнер, пишет в 1984 г. диссертацию на степень PhD по социологии на тему «Теоретические исследовательские программы: рост теоретического знания в социологии» [13]. Начиная с этого момента «стэнфордская социология» известна уже не только своими эмпирическими исследованиями, но и вкладом в методологию социальных наук, который мы собираемся подробно рассмотреть далее.

Понятие «теоретическая исследовательская программа»

Понятие «теоретическая исследовательская программа» (*theoretical research programs*; ТИП) первым ввел в своих социологических работах Дж. Бергер [11, р. 54]. В энциклопедической статье Вагнер дает ТИП такую дефиницию: «Теоретическая исследовательская программа имеет три компонента: *набор взаимосвязанных теорий, набор содержательных и методологических*

рабочих стратегий, применяемых для создания и проверки этих теорий, и *набор моделей эмпирического исследования и анализа*, основанного на этих теориях» [14, p. 4984].

Рассмотрим подробнее структуру и внутреннюю логику ТИП с иллюстрациями в качестве примера из истории социологии науки.

Взаимосвязанные теории

Теории определяются как взаимосвязанные, если обладают общностью «абстрактных концептов и суждений» [14, p. 4984]. Если приводить примеры из социологии науки как исследовательской области, то можно указать на общность теорий неомарксистской версии социологии науки и так называемой сильной программы социологии знания Д. Блура [6] в части использования концепта «социальный интерес». Историк социологии может проследить генезис этого концепта, найдя его в ранних работах соавтора Блура – Б. Барнса в его книге 1977 г. «Интересы и рост знания» [15]. Именно поэтому вся направленность «сильной программы» в сторону каузальной модели объяснения и ее макросоциологичность коренным образом отличают ее от, скажем, социально-конструктивистских направлений в социологии науки того же периода, характерных для «этнографии науки» Б. Латура или К. Кнорр-Цетины. Две последние теории объединяет общность концептов «научное знание», в основе интерпретации которых – процессуальная, конструируемая и конвенциональная деятельность ученых.

Использование преимущества подхода ТИП в данном примере из истории социологии науки позволяет избежать двух объяснительных отклонений, возникающих в результате использования двух противоположных моделей реконструкции как крайностей.

Придерживаясь подхода И. Лакатоса, мы были бы склонны не заметить слишком детализированных для методологии НИП различий между базовыми теоретическими концептами. НИП Лакатоса не рассматривает содержание «ядра» как самостоятель-

ную задачу – не тот масштаб. И тогда наш анализ сводился бы к искусственному объединению всех указанных выше фигур и теорий в социологии науки в одно большое направление – «программу» или «парадигму», которую мы бы назвали «релятивистская социология науки» (вариант: «когнитивная») или использовали самоназвание «социология научного знания» (SSK) как общий «зонтик». Результатом такого «парадигмального» взгляда стала бы структуралистская модель развития социологии науки от позитивизма к релятивизму, что было бы на самом деле исторически фальсифицируемым выводом с низкой объясняющей эвристикой¹.

Придерживаясь противоположного подхода – метода поиска «куновских сообществ», сильно выраженного социологического подхода к «внешней» истории науки, можно обнаружить естественное желание классифицировать теории в «социологии научного знания» как *школы* (эдинбургская, батская...), *стили*, *моды*, *банды* (из антропологии) или просто *группы*, как это называл Н. Маллинз. Тогда, по справедливому замечанию Р. Уитли, мы бы заменили поиск когнитивной структуры развития научного знания на социальный анализ организационных форм его производства. Символично, что все трое рассматриваемых авторов (Бергер, Зелдич и Вагнер) – социологи, при этом профессионально занимающиеся социологией организаций, и они отказываются от тезиса приоритета социального фактора в объяснении роста научного знания, в том числе внутри своей научной программы, в пользу фактора «внутренней» истории науки.

Авторами концепции ТИП выделяются **типы отношений** между теориями. Пять таких типов отношений они предлагают применять для анализа генезиса теоретической программы, поскольку, следуя позиции И. Лакатоса, видят объектом анализа последовательности теорий: «...оценка любой научной теории

¹ Подробнее о дилемме рационального и исторического объяснения «социологии научного знания» в 1970–1980 гг. см.: [16, гл. 10].

должна относиться не только к ней самой, но и ко всем присоединяемым к ней вспомогательным гипотезам, граничным условиям и т. д., и что особенно важно, следует рассматривать эту теорию вместе со всеми ее предшественницами так, чтобы было видно, какие изменения были внесены именно ею. Поэтому, конечно, нашей оценке подлежит не отдельная теория, а ряд или последовательность теорий» [2, с. 54].

Вагнер выделяет следующую типологию отношений между теориями [14, р. 4984–4985].

1. T_2 является **развитием** (*elaboration*) T_1 .

Обе теории используют одно и то же базовое ядро понятий, но T_2 либо выступает расширением или спецификацией T_1 , либо лучше эмпирически подтверждена. Как правило, здесь между теориями наблюдается постепенное замещение T_1 на T_2 .

2. T_2 является **пролиферацией** (*proliferant*) T_1 .

О теории T_2 говорят, что она становится пролиферантом для предшествующей теории, если смогла изменить состав базовых понятий – расширить, добавить и обогатить его. В этом случае предшествующая теория совсем не обязательно должна исчезнуть, поскольку две теории начинают адресоваться к разным проблемам и феноменам.

3. T_1 и T_2 – **варианты** друг друга.

Теории суть варианты друг друга, если они направлены на объяснение одного и того же, но имеют различия в механизмах своих объяснений.

4. T_1 и T_2 – **соперники**.

Если теории имеют сильно различные базовые понятия и идеи, но направлены на объяснение одного и того же, то их называют соревнующимися.

5. T_3 – это **интеграция** T_1 и T_2 .

Интеграция может состоять в комбинировании или объединении теорий (иногда более двух) в новую теорию. Механизм интеграции выступает возможным ответом на вариативность и

конкуренцию теорий, представленные в 3 и 4 типах отношений. Интегративная теория для 2 типа отношений – пролиферации – выглядит как попытка гибридизировать T_1 и T_2 на более общем теоретическом основании. Подробный анализ и развитие этой типологии можно обнаружить в [17].

Нетрудно заметить, что концепция типов отношений между теориями внутри ТИП соотносится с идеями синхронии-диахронии. Типы 1, 2 и 5, как правило, развиваются во времени, *диахронически*. Вариативность и конкуренция определены относительно друг друга одновременно, *синхронно*.

Приведем несколько примеров из анализа развития ТИП внутри социологии науки.

1. Классическим примером **развития** двух теорий могут быть большинство последовательностей теорий внутри структурно-функционалистского подхода Р. Мертона. Например, исследования системы мотивации ученых (одновременности открытий) становятся предшественниками теории академической профессии Т. Парсонса и Н. Сторера; теория границ Т. Гьерина продолжает работы Р. Мертона, посвященные социальной структуре.

2. Теории «неявного знания» (*tacit knowledge*) в социологии науки развивались всегда от частного применения к более и более широкому, всеобъемлющему. Так, теория «неявного знания» М. Полани превратилась в работах Г. Коллинза из «личностного знания» (дотеоретического, неcodифицируемого) в имплицитный фактор развития науки и знания теоретического. В более поздних работах [18] Коллинз идет еще дальше, **пролиферируя** понятие «неявное знание» в трех подвидах, одним из которых называет «коллективное неявное знание» (об этом подробнее см: [19]).

3. Пример **вариативности** двух теорий – подход М. Малкея и Б. Латура к анализу деятельности ученых внутри научных лабораторий. Оба они исходят из схожих (но не одинаковых) принципов изучения лаборатории как ограниченной локации, где происходит создание «научности» и «объективности», но их объяснения от-

личаются незначительной спецификой названия вещей. Например, то, что Латур называет сменой модальности научного факта, превращение его из наблюдения в результат консенсуса, Малкей называет дискурсивной практикой, формированием дискурса, раздвоением дискурса на внешний и внутренний.

4. Если рассмотреть дискуссию в социологии науки между М. Линчем и Д. Блуром как спор между этнометодологами и сторонниками «сильной программы в социологии знания» по вопросу о формировании научного знания и способах его социологического объяснения, то мы увидим **конкурирующие** объяснения и **соперничающие** теории. Различия между ними не столь значительны, чтобы считать их представителями разных наук или «парадигм», но достаточны, чтобы обнаружить здесь антагонизм базовых идей и представлений. Наиболее существенным различием таких объяснений и теорий выступают скептическое и не-скептическое прочтения парадокса Л. Витгенштейна о следовании правилу, отношение к интерпретации идей Витгенштейна в теории С. Крипке и расхождение в способах их социологической концептуализации.

5. **Интеграция** теорий – самый частый тип эпистемологического развития в современной социологии науки. Примерами интеграции могут служить теоретические новообразования в социологии науки после 1980 г. – периода «социологии научного знания». Скажем, сначала интеграция теорий науки и сетевого подхода в работах Б. Латура, а затем интеграция там же теории материальности. Современные социальные исследования технологий стали результатом объединения социально-конструктивистского подхода к технологиям со специфической философией техники.

Важно отметить, что определение типа отношений между теориями и стратегии роста конкретной ТИП определяются объективно и не должны зависеть от эмоционального фона или различных самоописаний. История социологии знает довольно много примеров, как под интеграцией понималась либо пролиферация, когда в новой теории почти ничего не оставалось от исходного теоретиче-

ского замысла, либо вообще – фактического разрыва теоретической преемственности и отсутствия таким образом последовательности теорий как объекта методологического анализа ТИП.

Содержательные и методологические рабочие стратегии

Выделение стратегий стало ответом на дискуссию о роли и структуре метатеории, ее функциях и способах идентификации, так популярных в социологии 1980-х гг. Дж. Бергер, М. Зелдич и Д. Вагнер применяют стратегии как альтернативу таким понятиям, как, например, «парадигма», «когнитивный/интеллектуальный стиль». Главная особенность применения термина «стратегия» для изучения ТИП и ее отличие от подходов И. Лакатоса, Т. Куна и Н. Маллинза – анализ *поведения* ученых в связке со *знанием*, приверженцами которого они являются на этапе *до* создания научной теории. Иными словами, стратегия крепко увязана с тактикой их будущей интеллектуальной и экспериментальной работы по строительству теории и ее трансформации.

«**Ориентирующие стратегии** указывают на фундаментальные цели и предпосылки, которые направляют теоретическую работу» [14, р. 4986]. К ним относят лежащие в основе работы онтологию и эпистемологию. Вообще, идея базовых предпосылок, допущений, опосредований и «оптик» была своего рода наваждением как рецепция транслированной через «Структуру научных революций» Т. Куна и социологию научного знания гипотезы о теоретической нагруженности наблюдений (*theory-ladenness*). Эта точка зрения, связанная с тезисом Дюгема-Куайна о роли «фоновое» знания для интерпретации системы высказываний научной теории, приобрела особую актуальность в постпозитивизме и разделялась как сторонниками релятивизма, с которыми она связана генетически, так и сторонниками К. Поппера, чей конвенционализм в этом и проявлялся. С разной степенью радикализма социальные науки удивительно единогласно приняли «фоновое знание» и «базовые допущения».

Кроме Т. Куна, влияние на формирование приверженности идее о *другом* знании, стоящем «за спиной» научной теории, оказали П. Форман и П. Фейерабенд. «Непосредственное влияние на перенос этой идеи (идеи «неявного знания». – *А.К.*) из антропологии в социологию, в частности в социологию науки и научного (экспертного) знания оказал П. Уинч и, в частности, та часть его работы «Идея социальной науки», где он размышляет о поведении ученого так, как если бы он описывал его поведение, стараясь понять его мотивы и “правила”» [19, с. 66] «Ориентирующая стратегия» – это, видимо, самый прагматичный и самый эмпирический из возможных способов концептуализации внешних фоновых переменных, на который могли пойти социологи. При этом М. Зелдич и Дж. Бергер напишут еще как минимум 4 специальные работы [20; 21; 22; 23], где подробно рассматривают роль ориентирующих, или теоретических, стратегий в создании научных теорий.

В американской социологии 1980-х гг. вопрос о теоретических стратегиях тесно переплетался с тематизацией метатеории, рефлексия над которой подогревалась из внешнего философского окружения. Дж. Александер, который к 1982 г. уже выпустил первый том своей «Теоретической логики в социологии» [10], полагал, что ориентирующие стратегии предшествуют созданию теорий и определяют их. На схеме научного континуума и его компонентов [24, р. 3] он располагает общие предпосылки (*general presuppositions*) сразу после метафизического окружения как предельно абстрактного уровня теоретизирования и непосредственно перед созданием моделей, концептов, определений и т.д. Александер пишет: «Генерализованные предпосылки, определения, классификации и модели – все уровни, находящиеся под влиянием преимущественно метафизически ориентированных соображений – всё ещё оказывают влияние на эти специфические утверждения (эмпирические наблюдения. – *А.К.*), несмотря на то что их влияние остается совершенно скрытым» [24, р. 4]. В противоположность Александеру, в те же годы Ритцер [25] шаг за шагом вводит в социологию понятие «ме-

теория», которое также примыкает к метафизическому уровню, но, в отличие от «предпосылок» Александера, *не предшествует* созданию конкретной социологической теории, а появляется *после* как результат интенсивного теоретического развития и описывается в терминах Т. Куна («парадигма») или Т. Парсонса («рамка референции», «обобщенная концептуальная система»).

Это определенная дилемма не только для философии социальных наук, но и для теоретической социологии. Примером объяснения ТИП с использованием аргумента первого типа (фоновое знание как предваряющее и частично объясняющее научную теорию) можно считать кейс из социологии науки 1970–1980-х гг., описанный автором в [16, с. 313–317]. Здесь, в частности, показано, как внешние фоновые переменные, такие как *Zeitgeist*, идеология в науке, господствующая философия науки и междисциплинарные неосознаваемые заимствования, повлияли на новую теоретическую программу, обусловив ее проблематику, ее концептуальный язык, ее установки по поводу целей и методов социологического исследования. Пример аргумента 2 типа (метатеория как аналитически обоснованный вывод из суммы теоретических результатов, а не из фоновых ожиданий) – реализация идеи выделения моделей социологического исследования в книге И.Ф. Девятко [26].

М. Зелдич в статье [23] обобщает и резюмирует вопрос о роли метатеории для объяснения развития научного социологического знания. Прежде всего он дает такое определение: «Теоретические стратегии – это системы концептов, ценностей, предпосылок и директив, которые, хотя они сами по себе и неэмпирические, управляют формулировкой конкретных содержательных эмпирических теорий» [23, р. 303]. Далее он утверждает, что несомненно теоретические стратегии суть метафизические структуры, однако нельзя отрицать, что они участвуют в развитии научного знания и сами развиваются, растут. В отличие от постпозитивистов, к которым Зелдич относит как Куна, так и Александера, «стэндфордская социология» считает, что теоретические ориентирующие страте-

гии обладают гибкостью, способностью к изменениям и корректировке. Это имеет два важных последствия для методологии ТИП.

1. Присутствие в теоретических стратегиях компонента, в наибольшей мере способного к изменению на основе рефлексии. Это уже не тот *Zeitgeist* или базовые предпосылки, о которых писали Форман или Александер, это скорее элементы теории Ритцера, ставшие результатами интерактивного взаимодействия между идеологией проведения научного исследования и практикой «полевой» научной работы. Эти компоненты названы «**рабочие стратегии**».

2. Отказ от тезиса несоизмеримости научных парадигм, идеи невозможности сравнения и оценивания ТИП, отсутствия прогресса или даже просто роста научного знания. Бергер и Вагнер пишут статью с названием, вселяющим оптимизм в разум социологов эпохи постпозитивизма: «Растут ли социологические теории?» [21]. Они дают несомненно положительный ответ на этот вопрос, иллюстрируют его на целом ряде предметных областей и теорий социологии и предлагают другим продолжить применять подход к анализу структурных компонентов по методологии ТИП, чтобы «способствовать значительному росту в других отраслях социологии» [21, p. 697]. Вопрос о преодолении тезиса о несоизмеримости научных программ будет подробно рассмотрен далее.

Рабочие стратегии – это элемент рационального выбора, корректируемые и основанные на самообучении техники выполнения эмпирических исследований. Рабочие стратегии обеспечивают рост научного знания в полном соответствии с подходом Ритцера [25]. Наконец, рабочие стратегии связывают научные исследования с меняющейся повесткой дня общества и культуры, показывают, как программа 1) реагирует на новые вызовы и социальные или технические проблемы и 2) обменивается информацией и заимствует у других программ техники и процедуры научного поиска и доказательства. Именно за рабочими стратегиями закреплена функция здравого смысла, о чем говорится в философском анекдоте о человеке, который ищет ключ не там, где его потерял, а там,

где светло: рабочая стратегия позволяет поворачивать «фонарь» в нужную сторону.

Бергер и Зелдич, предваряя серию конкретных систематизаций таких важных для социологии ТИП, как «статус, аффект и социальная интеракция», «конфликт», «справедливость, структурная власть и легитимация», приводят ряд общих замечаний, показывающих, насколько эвристичен и полезен на практике их метод описания структуры ТИП. Не все следует называть «теорией». Так, подчас рабочая стратегия бывает настолько конкретна и специфична, что выглядит как теория, но не является ею. Бергер и Зелдич берут классическую работу Мертона «Явные и латентные функции» (1949) и показывают, что сам автор рассматривал «парадигму функционализма» скорее как теорию, а не как стратегию. Они пишут: «Он (Мертон. – А.К.) пытался трансформировать такие “постулаты”, как “функциональное единство”, “универсальный функционализм” и “необходимость” в переменные для эмпирического измерения, хотя, на самом деле, они оставались неэмпирическими директивами, диктующими как формулировать идею социальной системы, ее границ и факторов, релевантных ее “выживанию”» [20, р. 14].

Аналогичные параллели могут быть проведены между многими классическими текстами в социологии науки: эти тексты писались как манифесты и программы, а прочитаны были как теории и даже как метатеории. Можно ли однозначно утверждать, что в книге Д. Блура и Д. Барнса «Знание и социальные представления» (1976) изложена теория, а провозглашаемые принципы «сильной программы в социологии знания» – это базовые идеи и концепты новой теории? Ответ на этот и другие вопросы может дать прицельный анализ «сильной программы» как теоретической исследовательской программы.

Модели эмпирического исследования и анализа

Модели – способ имплементации набора теорий и рабочих стратегий для проведения конкретного эмпирического исследо-

вания. Вагнер полагает, что модель в структуре ТИП отвечает за спецификацию исследования: как применять концепты, при каких условиях и что делать. Посредством работы модели оценивается вся конструкция ТИП, ее эмпирическая адекватность, непротиворечивость. Наконец, модель – это основная «видимая глазу» часть ТИП, ее основной результат в терминах экспериментальной науки. В этом взгляде стэндфордские авторы очень близки к методологии НИП И. Лакатоса, который, в частности, так писал о позитивной эвристике НИП: «Положительная эвристика выручает ученого от замешательства перед океаном аномалий. Положительной эвристикой определяется программа, в которую входит система более сложных моделей реальности; внимание ученого сосредоточено на конструировании моделей, соответствующих тем инструкциям, какие изложены в позитивной части его программы. На известные “контрпримеры” и наличные данные он просто не обращает внимания» [2, с. 83–83].

Примерами моделей из социологии науки могут послужить так называемые лабораторные исследования (Б. Латур): концепты «переговор», «интерес», «научный факт» и другие ложатся на рабочую стратегию квазиэтнографического изучения науки и превращаются в модель применения латурианского языка описания, применяемую не только в данной лаборатории, но и во всех подобных кейсах, а затем и в расширительном значении.

Потенциал методологий анализа динамики научного знания: сравнение и оценка

Существующий арсенал инструментальных и концептуальных средств анализа динамики научного знания вовсе не ограничивается самыми распространенными – парадигма, школа, программа... Способов увидеть ядро программы – в аксиоматике ли или в людях и их социальных связях – достаточно много. Если выделить из них наиболее авторитетные и сравнить их по ведущему объяс-

нительному фактору и потенциалу методологий, затем увидеть/объяснить рост теорий, их прогресс или преимущества, то можно их обобщить (табл. 1).

У методологии анализа ТИП есть ряд важнейших преимуществ в сопоставлении с другими подходами.

Адекватность методологии ТИП задач, решаемым в конкретных историко-социологических исследованиях

Методология ТИП выступает «социологической сборкой» на базе уже существовавших моделей философского анализа, прошедших со временем в состояние антагонизма и взаимоисключаемости. Поэтому методологию ТИП отличают прагматизм и направленность на решение конкретной проблемы – объяснить устройство теоретического развития конкретных исследований (а не науки вообще или ее гигантских предметных областей), определить наличие роста или регресса научного знания.

Методология ТИП – гибкая, настраиваемая система из множества компонентов, которые могут учитывать сразу все проблемы и вызовы, обнаруженные ее философскими предшественниками: вызовы метатеории, факторы внутренней конкуренции и гибридизации теорий, факторы социальные и рациональные, «внутренней» и «внешней» истории науки. Фактически идея сочетать идеи Куна и Лакатоса в одном подходе и иметь при этом непротиворечивую и работающую модель, применимую и воспроизводимую, стала значительно реальнее по итогам работ Дж. Бергера, М. Зелдича и Д. Вагнера. Их трехкомпонентная модель не является жесткой, поэтому может в отдельных случаях рассматривать роль эмпирики и роль метафизики сообразно историческому материалу. Например, Зелдич пишет в заключении одной из своих статей: «Не существует единственной связи между основаниями и работающими стратегиями, так что две или более работающих стратегий могут быть согласованы с одним и тем же основанием» [23, р. 310]. Такой

Таблица 1
ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОБЪЯСНЕНИЮ ГЕНЕЗИСА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ
В ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ НАУКИ

Автор(ы)*	Подход/модель	Ведущий объяснительный фактор	Возможно ли сравнение теорий и их прогресс?
Т. Кун	«Парадигма» (позднее – «сообщество куновского типа»)	Приверженность ученых образцовому способу решения исследовательских задач (парадигма в узком смысле) или научное мировоззрение и словарь значений (в широком)	Сравнение невозможно** Идею прогресса невозможно доказать
И. Лакатос	«Научно-исследовательская программа»	Рациональный процесс приращения научного знания происходит как развитие НИП. Господствует логика идей и развитие происходит в ядре программы, ее базовых аксиоматических допущениях	Сравнение программ возможно только в диахроническом измерении, т.е. оценивается прогресс одной НИП в развитии ее теоретического ядра и поясов эвристик***
Л. Лаудан	«Исследовательская традиция»	Способность теорий решать проблемы как фактор оценивания их эвристик. Формирование подходов происходит под влиянием направляющих допущений (<i>guided assumptions</i>)****	Сравнение и прогресс возможны

Продолжение табл. 1

Автор(ы)*	Подход/модель	Ведущий объяснительный фактор	Возможно ли сравнение теорий и их прогресс?
Н. Маллинз	Модель развития теоретических групп	Социологический анализ формы организации, групповой сплоченности, динамики развития группы и увеличения ее ресурсного потенциала	Сравнение возможно по формальным признакам: сплоченность, сеть, степень институционализации. Идея прогресса невозможна, поскольку эпистемологический статус знания не рассматривается
Дж. Бергер, М. Зелдич, Д. Вагнер (Дж. Ритцер)	«Теоретическая исследовательская программа»	Три компонента – теории, стратегии и модели – составляют структуру ТИП	Сравнение возможно в диахронии и синхронии. Прогресс может быть доказан, опираясь на критерии эмпирической адекватности ТИП
Д. Блур	«Сильная программа социологии знания»	Концепт социального интереса, социальных причин, влияния других систем идей и общественных убеждений	Сравнение теорий невозможно, они контекстуально несравнимы. Термин «прогресс» не имеет смысла, поскольку объективность научного знания считается мифологией

Окончание табл. 1

Автор(ы)*	Подход/модель	Ведущий объяснительный фактор	Возможно ли сравнение теорий и их прогресс?
М. Фуко	Формирование «дискурса нормальности» (в «Археологический период» творчества Фуко)	Развитие происходит от знания к научной дисциплинарности****	Сравнение теорий невозможно – они рассматриваются исторически как экзотические события. Прогресс можно описать как поступательное движение теорий по пути легитимации, индикатором прогресса служит авторитет теории

Примечания:

* В список авторов не были включены те, в чьих работах прямо не решается вопрос о происхождении научных теорий и природе их динамики, хотя есть довольно много авторов, которые разработали классификации научных теорий (например, Дж. Александер), или предложили объяснение научному знанию вне контекста его развития (например, П. Бурдьё).

** Исключения внесены в [3] и обсуждаются в этой статье далее.

*** Лакарос оставляет лишь несколько возможностей для сосуществования НИП: последовательное развитие или конкуренция, заканчивающаяся победой одной программы над другой, вытеснением последней. Его модель прогресса науки связана с идеей конкурентного роста знания: «Когда же росток привитой программы войдет в силу, приходит конец мирному сосуществованию, симбиоз сменяется конкуренцией, и сторонники новой программы пытаются совершенно вытеснить старую» [2, с. 97].

**** Подробнее о концепции Л. Лаудана см. [27].

***** Мишель Фуко в «Археологии знания» описывает процессы последовательного преодоления «совокупностью высказываний» «порога эпистемологизации», «порога научности» и «порога формализации». О последнем он пишет: «И, наконец, когда научный дискурс в свою очередь сможет определить аксиомы, которые ему необходимы, элементы, которые он использует, пропозициональные структуры, которые для него законны и трансформации, которые он принимает, когда он сможет выстроить, полагаясь только на себя, формальную структуру, мы сможем сказать, что он преодолел порог формализации» [28, с. 185]. Подробнее о формировании «дискурса нормальности» см. [9].

пластичности и эвристики нет ни у одной другой философской или социологической методологии анализа науки (см. *табл. 1*), поскольку последние разрабатываются под доктрины «одного фактора», а не всегда подходят для написания социальной истории науки.

ТИП ближе всех к истории социологии

Этот подход создан социологами в процессе анализа многообразия работающих конкурирующих социологических теорий «среднего диапазона». Это означает, что калибровка ТИП была произведена под реальные условия социологического исследования. Если вспомнить, что все предыдущие концепции развития научного знания были созданы и продемонстрированы на материале истории естественных наук и математики, то становится понятно, почему на историю социологии столь неестественно ложатся объяснения, исходящие из существования больших метатеоретических фоновых предпосылок. Вагнер пишет: «Программы отличаются от общих, перекрывающих метатеоретических стратегий, таких как функционализм или интеракционизм, которые ориентируют конструирование индивидуальных теорий. Программы более динамичны, чем стратегии: последние растут исключительно медленно и редко в ответ на оценку создаваемых ими теорий» [14, p. 4984].

Преимущества ТИП-методологии по сравнению с подходом И. Лакатоса

1. Методология ТИП учитывает аксиоматику, но не фиксируется на ней как ведущем факторе объяснения. Аксиоматика, наряду с другими структурными компонентами, входит в схему анализа, но, во-первых, ограничивается разбиением на (мета)теоретическую и рабочую стратегии, а во-вторых, не попадает в ядро исследовательской программы, оставаясь фоновой переменной. Социологическое исследование выигрывает от такого разделения.

2. Методология ТИП лучше соответствует гипотетико-дедуктивному подходу, используемому в социальных науках, в то время как методология И. Лакатоса написана для случаев физики и математики, откуда был взят материал для иллюстрирования ее работы. ТИП в большей степени, чем подход Лакатоса или Александера, учитывает эмпирический уровень проверки теории.

3. Единичные теории рассматриваются в методологии ТИП как участники процесса развития программы, в то время как в методологии Лакатоса теории вне установленной последовательности теорий не принимаются во внимание, считаются случайными.

4. Деятельность научных групп и отдельных ученых учитывается в ТИП на уровне формирования рабочих стратегий и моделей; новые методологические приемы, инсайты, технические и процедурные инновации в методах проникают в исследовательскую программу из «полевой» практики, экспериментирования и рефлексии, а не транслируются как готовые из сферы абстрактной методологии в виде норм и правил. Разумеется, роль нормативных принципов ТИП как теоретических стратегий участников также учитывается.

Преимущества ТИП-методологии по сравнению с подходом Т. Куна

Главное преимущество ТИП здесь в отношении к проблеме несоизмеримости теорий: ТИП позволяет преодолеть несоизмеримость и сделать сравнение эвристик программ своим главным результатом. Но следует уточнить также и позицию Т. Куна. «Соизмеримость. Сравнимость. Коммуникативность» – так называется глава 2 его книги «После “Структуры научных революций”» [3], ставшей ответом на 20 лет бурной реакции философии и социологии науки после выхода в 1962 г. исходной работы «Структура научных революций». В своем ответе Т. Кун возвращается к тезису о несоизмеримости, который был проинтерпретирован не только в философии науки в работах Куайна, Патнема, Фейрабенда или Дэвидсона, но и в социальных науках в целом, став одним

из опорный столпов (или мифов) релятивистских рассуждений о парадигмах в социальных науках и социологии. В частности, Кун, сохраняя свою приверженность тезису несоизмеримости как элементу анализа истории науки, пытается уточнить его значение и остановить неверное использование. Так, он напоминает, что после переноса этого термина из математики произошла подмена его метафорического значения на буквальное: от идеи о том, что значения научных концептов могут варьироваться в различных научных словарях (внутри парадигм) был сделан решительный шаг в сторону идеи о том, что сами научные теории несоизмеримы. Сам же Кун полагает, что лингвистический вопрос философии языка был перепутан с вопросом эпистемологическим, и он вынужден напомнить, что «отсутствие общего измерения оставляет возможность сравнения» [3, с. 28]. Кун пишет: «Большая часть дискуссий о несоизмеримости была обусловлена дословно корректным, но часто неправильно интерпретируемым допущением, что если две теории несоизмеримы, они должны быть сформулированы на взаимно-непереводимых языках» [3, с. 28]. В комментариях к своей статье М. Зелдич разъясняет: «Гораздо важнее, что в отличие от “парадигмы” Куна, теоретическая стратегия не охватывает весь спектр научной деятельности от стратегии к теории, чтобы исследовать это в единой согласованной сущности» [23, р. 311].

Заключение: о значимости оценивания программы в социологии

Методология ТИП дает исследователю возможность так описывать структуру научного развития своей предметной области, что ее внутренний антагонизм или фрагментарность превращаются в сложную историю взаимодействия и координации. Это создает основу для оценивания программы в целом и ее компонентов. Таким образом можно изучать рост программы, оценивать ее прогресс или застой. ТИП предназначен для *рационального* объяснения на-

копления теоретического знания; теории внутри программы соизмеримы и открыты для проверки на эмпирическую адекватность. Методология «стэнфордской социологии» применима не только в области «теорий среднего диапазона», но и на всех уровнях теоретизирования, поскольку задача состоит не в том, чтобы унифицировать тренды внутри социологической теории, принуждая их подчиниться одному объяснительному фактору, а в том, чтобы разобраться в их многообразии, найдя естественный порядок в хаосе переплетения их «внутренней» и «внешней» истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект; Трикта, 2008.
2. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995.
3. *Кун Т.* После Структуры научных революций. М.: АСТ; Харвест, 2014.
4. *Маллинз Н.* Модель развития теоретических групп в социологии // Научная деятельность: структура и институты. М.: Прогресс, 1980. С. 257–282.
5. *Гриффит Б.Ч., Маллинз Н.Ч.* Социальные группировки в развитии науки // Коммуникация в современной науке. М.: Прогресс, 1976.
6. *Блур Д.* Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. 5/6(35). С. 162–185.
7. *Mullins N.* The Development of a Scientific Specialty: The Phage Group and the Origins of Molecular Biology // *Minerva*. 1972. Vol. 10(1). P. 51–82.
8. *Уитли Р.* Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность: структура и институты. М.: Прогресс, 1980. С. 218–256.
9. *Кожанов А.А.* Социологические аспекты становления института экспертной оценки научного знания // Новое и старое в теоретической социологии / Под ред. Ю.Н. Давыдова. М.: ИС РАН, 2006. Кн. 4. С. 137–159.
10. *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Миф о качественной социологии // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42.
11. *Webster M. Berger, Joseph* // *Encyclopedia of Social Theory* / Ed. G. Ritzer. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2005. Vol. 1. P. 53–54.
12. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; Хранитель, 2006.
13. *Wagner, D.G.* The Growth of Sociological Theories. Beverly Hills, CA: Sage, 1984.

14. *Wagner, D.G.* Theoretical Research Programs // Blackwell Encyclopedia of Sociology / Ed. G. Ritzer. Cambridge, MA: Blackwell. 2006. Vol. X. P. 4976–4979.
15. *Barnes B.* Interests and the Growth of Knowledge. L.; Boston: Routledge, 1977.
16. *Кожанов А.А.* Взаимное превращение обыденного и научного в истории создания новой социологии науки в 1970–80-х гг.: модель совмещения социального и рационального объяснений // Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации / Под ред. И.Ф. Девятко, Р.Н. Абрамова, И.В. Катерного. М.: Прогресс-Традиция, 2015. С. 310–324.
17. *Kuokkanen M., Savolainen, J.* The Growth of Sociological Theories // Quality & Quantity. 1994. Vol. 28. P. 345–370.
18. *Collins H.* Tacit and Explicit Knowledge. Chicago: University of Chicago Press, 2010.
19. *Кожанов А.А.* Обращение с аргументом «неявного знания» внутри «когнитивной» социологии науки // Давыдовские чтения. Исторические горизонты теоретической социологии: сб. науч. докл. симпозиума, 13-14 октября 2011 г. / Под ред. И. Ф. Девятко, Н.К. Орловой. М.: Ин-т социологии РАН, 2011. С. 56–68.
20. *Theoretical Research Programs: Studies in the Growth of Theory* / Ed. J. Berger, M. Zelditch. Stanford: Stanford Univ. Press, 1993.
21. *Wagner, D.G., Berger J.* Do Sociological Theories Grow? // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 90. P. 697–728.
22. *Wagner, D.G., Berger J.* Programs, Theory, and Metatheory // American Journal of Sociology. 1986. Vol. 92. P. 168–182.
23. *Zelditch M.* Levels of Specificity within Theoretical Strategies // Sociological Perspectives, Vol. 34, No. 3, 1991. P. 303–312.
24. *Alexander J.C.* Theoretical Logic in Sociology. Vol. I: Positivism, Presuppositions, and Current Controversies. Berkeley: Univ. of California Press, 1982.
25. *Ritzer G.* Metatheorizing in Sociology. Lexington, MA: Lexington Books, 1991.
26. *Девятко И. Ф.* Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: Ин-т социологии РАН, 1996.
27. *Scrutinizing Science: Empirical Studies of Scientific Change* / Ed. A. Donovan, R. Laudan, L. Laudan. Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Academic Publishers, 1988.
28. *Фуко М.* Археология знания / Пер. с франц.; Под ред. Б. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996.

Kozhanov Andrey

National Research University Higher School of economics (NRU HSE),
Moscow, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (IS RAS),
Moscow, akozhanov@hse.ru.

Methodology of theoretical research programs: comparative advantages for an analysis of scientific knowledge dynamics

The paper discusses some issues of selection, comparison and evaluation of relevant methodology for scientific knowledge dynamics analysis. Postpositivist metatheoretical discourse within sociological theory has been predominantly concerned with contrasting approaches to science studies developed by Kuhn and Lakatos with some sociological projects (Mullins, Bloor, Foucault). «Theoretical research programs» methodology suggested by Berger, Zelditch and Wagner provides us with many benefits and advanced features which can be demonstrated when applied to a history of sociology of science. «Theoretical research programs» methodology responds to questions of theory evaluation, illuminates the ways the theories can be clustered, describes social and rational aspects of their development, and reveals indicators of theory progress

Key words: theoretical research program, sociology of science, paradigm, J. Berger, M. Zelditch, D. Wagner, metatheory

References

1. Lakatos I. *Izbrannye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki* (in Russian). M.: Akademicheskij proekt; Triksta, 2008.
2. Lakatos I. *Falsification and the Methodology of Scientific Research Programs* (transl., in Russian). M.: Medium, 1995.
3. Kuhn T. *The Road Since Structure* (transl., in Russian). M.: AST, Harvest, 2014.
4. Mullins N. “Model razvitiya teoreticheskikh grupp v sociologii” (transl., in Russian), in: *Nauchnaya deyatel'nost': struktura i instituty*. M.: Progress, 1980. P. 257–282.
5. Griffith B., Mullins N. “Coherent Social Groups in Scientific Change” (transl., in Russian), in: *Kommunikaciya v sovremennoj nauke*. M., 1976.
6. Bloor D. Sil'naya programma v sociologii znaniya (transl., in Russian), *Logos*, 2002, 5-6 (35), 162–185.
7. Mullins N. The development of a scientific specialty: The phage group and the origins of molecular biology, *Minerva*, 1972, 10 (1), 51–82.
8. Whitley R. “Cognitive and social institutionalisation of scientific specialties and research areas” (transl., in Russian), in: *Nauchnaya deyatel'nost': struktura i instituty*. M.: Progress, 1980. P. 218–256.

9. Kozhanov A.A. “Sociologicheskie aspekty stanovleniya instituta ekspertnoj ocenki nauchnogo znaniya” (in Russian), Davydov Yu. N. (ed.) *Novoe i staroe v teoreticheskoy sociologii*. M.: IS RAN, 2006. Book 4. P. 137–159.
10. Batygin G.S., Devyatko I.F. Mif o kachestvennoj sociologii (in Russian), *Sotsiologicheskij Zhurnal (Sociological Journal)*, 1994, 2, 28–42.
11. Webster M. “Berger, Joseph”, in: Ritzer G. (ed.) *Encyclopedia of Social Theory*. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2005. Vol. 1. P. 53–54.
12. Merton R. *Social Theory and Social Structure* (transl., in Russian). M.: AST; Hranitel’, 2006.
13. Wagner D.G. *The Growth of Sociological Theories*. Beverly Hills, CA: Sage, 1984.
14. Wagner D.G. “Theoretical Research Programs”, in: Ritzer G. (ed.) *Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Cambridge, MA: Blackwell, 2006. Vol. X. P. 4976–4979.
15. Barnes B. *Interests and the Growth of Knowledge*. London; Boston: Routledge, 1977.
16. Kozhanov A.A. “Vzaimnoe prevrashhenie obydenного i nauchного v istorii sozdaniya novoj sociologii nauki v 1970–80-h gg.: model’ sovmeshheniya social’nogo i racional’nogo obyasnениj” (in Russian), in: Devyatko I.F., Abramov R.N., Katerny I.V. (eds.) *Obydenное i nauchное znanie ob obshhestve: vzaimovliyaniya i rekonfiguracii*. M.: Progress-Tradicija, 2016. P. 310–324.
17. Kuokkanen M., Savolainen, J. The growth of sociological theories, *Quality & Quantity*, 1994, 28, 345–370.
18. Collins H. *Tacit and Explicit Knowledge*. Chicago: University of Chicago Press, 2010.
19. Kozhanov A. A. “Obrashhenie s argumentom ‘neyavnogo znaniya’ vnutri ‘kognitivnoj’ sociologii nauki” (in Russian), in: Devyatko I.F., Orlova N.K. (eds.) *Davydovskie chteniya. Istoricheskie gorizonty teoreticheskoy sociologii*. M.: IS RAN, 2011. P. 56–68.
20. Berger J., Zelditch M. (eds.) *Theoretical Research Programs: Studies in the Growth of Theory*. Stanford: Stanford University Press, 1993.
21. Wagner, D.G., Berger J. Do Sociological Theories Grow? *American Journal of Sociology*, 1985, 90, 697–728.
22. Wagner, D.G., Berger J. Programs, Theory, and Metatheory, *American Journal of Sociology*, 1986, 92, 168–182.
23. Zelditch M. Levels of Specificity within Theoretical Strategies, *Sociological Perspectives*, 1991, 34 (3), 303–312.
24. Alexander Jeffrey C. *Theoretical logic in sociology*. Volume I: Positivism, presuppositions, and current controversies, 1982.

25. Ritzer, G. *Metatheorizing in Sociology*. Lexington, MA: Lexington Books. 1991.
26. Devyatko I. F. *Modeli obyasneniya i logika sociologicheskogo issledovaniya* (in Russian). M.: IS RAN, 1996.
27. Donovan A., Laudan R., Laudan L. *Scrutinizing Science: Empirical Studies of Scientific Change*. Dordrecht, Boston. London: Kluwer Academic Publishers, 1988.
28. Foucault M. *The Archaeology of Knowledge* (transl., in Russian). K.: Nika-Centr, 1996.